

Так глушилась песня (По страницам старых газет)

После революции 1905 года испуганному царизму везде чудились её призраки. Полиция и жандармы «тащили и не пушали». Хватали каждого, кто пытался хоть чуть-чуть поднимать голос в защиту своих прав или протестовать против реакции. Газета «Клязьма», выходившая во Владимире, после многочисленных конфискации была закрыта. Вместо неё стал выходить «Владимирец». Листая эту старую газету, часто видишь аншлаг: номер газеты за такое-то число конфискован.

Но в Переславле была тишь и гладь. С полиции спрашивали, а она ничего не находила... И вот, вдруг, нашлось!

Урядник, приехав в село Купань, в пьяном виде отправился гулять и встретил толпу деревенских ребят, которые пели «В саду ягода-малина». Уряднику слышится «Марсельеза» и он ничтоже сумняшеся берётся за оружие и стреляет в толпу ребят, но, к счастью, даёт промах. («Владимирец», 12 декабря 1906 года, в № 108.)

Вы думаете, урядник был наказан? Ничего подобного. Протрезвев на другой день, он посулил ребятам «на пряники», чтобы они не обижались. А переславский исправник, прочитав заметку во «Владимирец», только промолвил: «Ах, сукин сын».

Господину фон Гротте-де-Буко тоже не везло. По вечерам он поигрывал в картишки в Общественном собрании, выпивал рюмку-другую водки, почтительно поднесённую буфетчиком В. П. Преловым, беседовал о том о сём с местными тузами... а крамолы нет как нет. И вдруг.

3 марта 1907 года в зале Общественного собрания после спектакля любителей, в перерыв между танцами, часть публики, преимущественно учащиеся, запели «Марсельезу». Присутствовавшие при этом старшины (клуба. — С. В.) «испужались» и, вообразив, что рушатся основы, приказали музыкантам играть марш, чтобы заглушить пение. Пение прекратилось.

Но, едва только старшины успели успокоиться, как снова грянула ужасная «Марсельеза». Господин Житников снова бросился к музыкантам:

— Жарь, голубчики, наяривай!

Голубчики и жарили и наяривали, но «Марсельезу» заглушить не могли... («Владимирец», 1907 год, № 90.)

Вот и нашлось дело исправнику, господину фон Гротте-де-Буко. Началось следствие. Заметались квартальные надзиратели, исправник, руководители Общественного собрания. Словом, «машинка завертелась» и было состряпано «дело». Под суд было отдано 14 человек.

Этот первый «политический процесс» в Переславле привлёк огромное внимание. Он происходил в здании уездной земской управы. Зал был переполнен.

Обвиняемые не признали себя виновными. Тогда вызвали свидетелей.

Представитель полиции обращался к своему свидетелю с вопросом:

«Как же вы утверждаете сейчас, что не знаете лиц, певших „Марсельезу“, когда вы сами мне лично и квартальному надзирателю указали на них?»

Свидетель отвечает: я указал на них как на участников спектакля по афише, а вы сами от себя записали их как участников пения. («Владимирец», № 95.)

Обвиняемые говорили, что, поскольку был семейный вечер, они могли петь всё, что ни вздумается. К тому же ничего особенного в пении не было, потому что по случаю приезда французского посла в Петербурге «Марсельезу» исполняли в присутствии государя-императора. «Марсельеза» — французский гимн. Они хотели отметить недавно подписанное русско-французское соглашение.

Как ни бился фон Гротте-де-Буко, «политический процесс» не удался. Пришлось судить только за нарушение общественной тишины и порядка, хотя исправник усиленно нажимал на суд.

Судья вышел из совещательной комнаты в сопровождении представителя полиции и объявил по отношению к некоторым обвиняемым приговор. («Владимирец», № 95.)